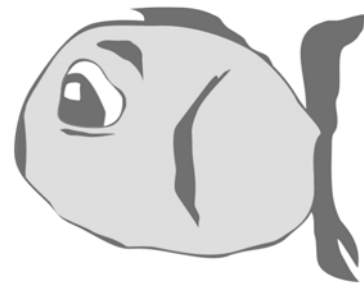
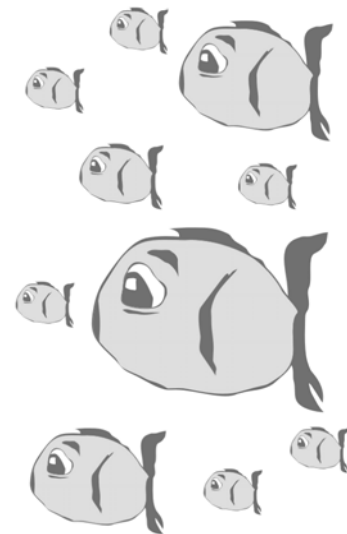

Ирина Максимова

баблгамы обратно

баблгамы обратно

Ирина Максимова

Максимова И.

Баблгамы обратно: стихотворения и прозаические миниатюры

ISBN 5-93682-302-4

Ирина Максимова родилась в Риге в 1980 г., окончила психолого-педагогическое отделение Пушкинского лицея г. Риги. С 2002 года проживает в Калининграде. В 2004 году приняла российское гражданство. Участник арт-группы «Рцы». Лонг-лист премии «Дебют» за 2005 год в номинации «Поэзия». Публикации в журналах «Арс» (Рига), «Рец» (интернет), «Reflect» (Чикаго), «Девятый сфинкс» (Николаев), антологиях «Молодые голоса» и «Солнечное сплетение» (Калининград), в интернете. Участник фестиваля «Slowwww» и IV Московского международного поэтического фестиваля.

(с) Ирина Максимова

[...]

она считала лужи по дороге к дому
добрый сосед сказал – сорок восемь
она шла и считала насчитав пятьдесят две
дома легла на кровать не снимая ботинок
мокрые волосы прилипли к лицу
они пахли дождем завиваясь пружинами
полумрак темного дня
разбитость и слякотность ломанность мыслей и тела
можно только лежать нельзя шевелиться и спать
она лежала пульсацией жизни вливаясь в кровать
время вставать неустойчивость стен и ковра
надо включить свет и занавесить окно
чтобы не видеть грязного в крапинку неба
и злых людей без улыбок

9 марта 1998, Рига

[...]

я кивну одетой в солнце
белоснежной нежной кошке
кошке мягко на подушке
в нос тебя лизнет а хочешь
коготки чуть-чуть отпустит
и коснется белой лапой
солнце в зелень глаз упрячет
и заглянет солнце в душу
из прищуренных кошачьих
жесткий ус заденет мягко
ты животик поласкай мне
я мурлыкаю ты видишь
мои розовые ушки
и подушечки неужто
их не хочешь целовать
томно глаз прищурен кошклин
перекрещенный усами
белой-нежной-теплой кошки

31 марта 1998, Рига

[...]

прости родной но именно сегодня
не листья падают – зомбирующий дождь
он пристаёт назойливый и липкий
чтоб нас забрать в «счастливый» круг «добра»
а ведь глаза летят – закаченные – к небу
и церковь падает как будто к ней подходишь
ты не держи меня не маленькая вроде
иди со мной раз хочешь но не смей
мешать идти когда пойду одна
не бей меня мне больно господи спасибо
где б я сейчас была когда б не ты

11 апреля 1998, Рига

[...]

греет руку камушек с моря
песка красно-белого вязкого
ты сказал что случайностей нет и с тех пор
тотемом моим случается кошка
моим амулетом – песочный камень
что греет мне руку каждую минуту
потому что крепко держу пальцы в камне
ты спросил откуда взялась я и почему
как ответишь если не знаешь ответа
и впервые слышишь вопрос
но хочешь задать его тебе о тебе
но держишь горячий камень в руке
но не знаешь того что ты видишь
когда тело вырабатывает алкоголь
больше чем необходимо
когда не чувствуешь холода
и мокрого песка в обуви
не слышишь скрипа чайки против ветра
когда поешь песни с кем-то родным
в оставшиеся полчаса до электрички
лежа на скамейке на станции
где нет магазинов
и когда кто-то родной поет новую песню
ты вдруг чувствуешь что ужасно замерзла
смотришь на кого-то родного – а он даже без куртки
заботаешься о нем и в благодарность
получаешь камень – черный и синий
горячий и мокрый – в песке красно-сером

этот камень теперь – мой амулет
в море под чайками много камней
они тоже блестят но они не умеют петь
когда остается полчаса до электрички

13 апреля 1998, Рига

[...]

представьте что облака на закате плоские
это кусочки неба светятся изнутри
ласковые и манящие
как угольки

костер затухающий
влюбленная пара
девушка в светлом ласкает руками огонь
из-под неровных волос
искрится горячий взгляд

уставшая чайка заснула
блестящим пятном на воде
под всплески ночной тишины
луна белым светом
гладит ей крылья

после кружки волшебного чая
девушка в светлом стелет ночные шорохи
ласково растворяются на подушке
ее сонные волосы
и руки прячутся
до утра

29 августа 1998, Рига

[...]

мы прикинулись трамваем
и поехали по рельсам
по блестящим скользким рельсам
пусть скользят быстрее нас

там где катятся трамваи
много всяких разных фенек
мы нашли советских денег
две копейки ржаво-грязных

за спиною гул чугунный
тяжело дрожат полозья
и трамвайка с глупой мордой
улыбается как рыба

мы скользим по рельсам в город
мы предельно полосаты
мы устали быть трамваем
и хотим курить и есть

1 октября 1998, Рига

[...]

Не пиши ты писем о любви,
Они делают людей жадными до нее
И спокойными. Они перестают ее ценить.
Они к ней привыкают.
Они ей не радуются и не болеют от нее.
Ты моя радость.
Я тебя люблю.
Ты не смотри, что я тебе пишу, не читай этого.
Это лихорадочный бред.
Это даже не твой сон.
Это вообще не тебе (думай так).
Тебя здесь нет, и нигде нет тебя.
Давай думать так.
Давай думать так, а не иначе.
Давай не думать о том, что будет завтра.
О том, что завтра чьей-то любви не будет.
Ни моей, ни твоей.
Давай не думать об этом.
Я просто расскажу тебе стишок про жирафа.
Я просто хочу полежать с тобой рядом.
Может, ты споешь мне на ушко.
А может нет.
Как тебе захочется.
Это ведь не я все придумала.
Не я тебя придумала.
Я тебя только люблю.

20 ноября 2001, Минск

[...]

под этим деревом всегда идет дождь
посмотри на лужи
в них часто отражается небо
посмотри на лужи
если на небо боишься смотреть

16 октября 2002, Калининград

[Про тебя и про бабочку]

Все только и пишут, что о себе. Прямо злость берет. А о чем писать, если весь мир только от тебя и существует? Но вот напиши ты так, чтоб это общий мир был, для меня, и обо мне, о каждой мне напиши, не о себе. Зачем ты так любишься, прямо задаешься собственным детством, зачем гордишься своей необычностью? Если ты необычный, я увижу и так, когда буду жить в созданном тобой мире. А так просто – не пиши. Если так сильно любишь свою необычность, зачем страдаешь от этого? Зачем так завидуешь чужой необычности? Если любишь ее, напиши о ней. Не о своей. Напиши про друга своего, или про подругу. Войди в человека, поживи в его мире. А потом уже про себя пиши. Или за каждого человека гордись, или про свою необычность забудь. Отложи ее на потом, когда в тебе много миров будет, чтобы сравнить. Тогда и умереть не страшно будет. Хотя тебе и так не страшно, закрутился в кокон, как гусеница, и лежишь. И вспоминаешь гордо, как ползал, и какая трава зеленая, и какое солнце через траву зеленое, будто это только у тебя так было, не понимаешь пока, что оно потому самое красивое, что твое, а не потому твое, что самое красивое. Вот встанешь на ноги, тогда и поговорим с тобой, тогда и буду тебя слушать внимательно, и говорить тебе. Пока не улетишь.

21 октября 2002, Калининград

[Про тебя и тебя]

А вот возьму и посмотрю на тебя сквозь ресницы, и не будешь знать, что это я смотрю на тебя, а не ты на меня. Ты ведь будешь воспринимать меня спящей, а я не буду таковой. А я буду видеть тебя, как ты есть. Как ты смотришь на меня удивленно и думаешь – ты ли это здесь. Как ты смотришь на меня удивленно и думаешь, что такое я. В первый раз так не смотрел на меня, как сейчас смотришь, вдумчиво и растерянно. Тогда не думал, просто шел со мной, смеялся мне и сам по себе смеялся. Напряженный был, как доверчивый шакал, каждую каплю мира ловил от жажды. Потом изучать меня стал и обнюхивать во всех местах, принаравливаясь. Совсем смешной зверь стал, а теперь сидишь и смотришь, и думаешь, ты ли это. Приручился ко мне, и хорошо тебе так. И мне хорошо. Тоже ведь животное.

22 октября 2002, Калининград

[Лошадь]

...Ехать, ехать, ехать, ехать!
Сквозь ухабы и причины,
Шапку сдвинув набекрень,
Лихо лошадь погоняя,
Убивая никотином,
Ехать, ехать, ехать, ехать
Все вперед, вперед, вперед!

Посторонним звуком дышит
Сердце лошади огромной,
Сон: в алмазной колеснице
Прокатиться вверх по склону.

Лошадь, лошадь, лошадь, лошадь,
Я твоя бродячья сила;
Всюду топот рассыпая,
Всюду хохот распыляя,
Примеряю скоро мыло,
Искушая удила!

Солнце катится со склона,
Улыбается упруго,
Крутит-вертит головою,
Как внезапный колобок.

11 ноября 2002, Калининград

[...]

кресты-кресты-крестики
на локтях на суставах пальцев
такой вот паучок человеческий
удивительно улыбается
смотрит так одноглазенько
с хитринкой-бесинкой-бусинкой
кляксой из краски-радости
в голове у меня запутался

18 ноября 2002, Калининград

[Чертики]

набежали чертики
понасыпали снов

можешь спать
или переступать осто-
рожно не можно
качать руки-крылья
на острой грани
упасть-не упасть

кубики-сны
вестники тишины
оди-
ночества

играйте как хочется

19 ноября 2002, Калининград

[Баблгамы обратно: золотая стена.ru]

Россия закрыла границы и вернула баблгамы обратно. Американцы в шоке и интересе. Реформа затронула все. В школах стали делить учебники. Одна половина – как у них, другая – как у нас. Самолеты с двигателями. Самолеты без двигателей. Не сгорают леса. Воздух чист. Усилие мысли. Великая империя духа. У американцев появилась самая престижная профессия – разведчик России. Никто не возвращался. Ходят слухи, что кто-то умирает, остальные остаются *Там дышать. Страна за Золотыми Стенами.* Начинаясь с того, что возникла маленькая секта, сначала состоящая из одного человека, который утверждал, что все только начинается, что никто не придет, пока Его не будут ждать. О *Секте* узнал умный развитый профессор, интересующийся всякого рода утопиями, и пришел (сказано – *услышал и пришел*). Слушал иронично, потом увидел свет за спиной у *Единственного На Тот Момент Члена Секты* и спросил во сне о нем, и получил ответ, что сестра Его, и понял, что время пришло. Время пришло. Распространялось на всех, потому как приходили и приходили. Тогда закрыли границы, ибо Бывший Единственный сказал, что это должно быть там, где есть мусульмане, ибо индуизм породил иудаизм, иудаизм родил христианство, христианство родил ислам.

Американцы настаивали на разведчиках, и дети снова становились космонавтами. Не узнавали *Истины*,

потому как *Оборона Бывшего Единственного* работала по своим законам, превосходящим все, что было ныне. Человек зачинал ребенка и перерождался в него. Коррупция стала ненужной, как журналисты и как искажение, потому что воздух был чист от страхов. Дети знали, что они самые сильные, и изобретали свои самолеты. Все было так же просто, как хотеть. Американцы не будь дураками сначала стали брать пленных, благо тем, из-за *Золота*, казалось любопытным, как тут, и вправду ли, как считали некоторые еретики, зная все, все становится легко. Но слишком много сил требовалось на то, чтобы создавать воздух для себя, и предпочли возродиться *Там*. Потом их стали истреблять по одному, как овец в горах, так что не успевали размножаться.

Лет через сорок ребенок в штате Алабама увидел самолет без двигателя. Кто-то сказал, как это работало. Ребенок представил, как оно работало, и смог полететь. Тогда просто выбежал из самолета и побежал по траве, хотел лететь. Полетел. Но было мало воздуха, и подумал – хочу защиту от ветра. Стало тяжелее, придумал обтекаемость. Когда вернулся на землю, узнал все про самолеты. После этого стал управлять только топливом. Все всполошились, потому как он был из *Мертвого Города*. Узнали ДНК, так и было. *Там* научились перерождаться в будущее, заранее зная, где и как.

Через время все возродилось, и *Занавес* покрыл все.

22 ноября 2002, Калининград

[...]

бас автобуса – речитативом
скрипично-высокий мороз
дымный воздух
как дымка вечерняя синий
клочками тепло
вырывается из-под ног
люди сжимают пальцы
в зимних ботинках
прижимают тепло
мне тепло
и удобно свернувшись
смотрю за окно
на березы в морозе
на холмы на бегу
на дым из трубы
на далекую белую даль
на живущую тихо
горизонталь
на большое тепло
мне тепло
и дыхание сна
укутав в рукав
вспоминаю тебя
приближаюсь к тебе
а автобус урчит и качает
мою колыбель

17 декабря 2002, Калининград

[...]

моя бабушка
моя крепкая
хрупкая бабушка
осторожно
ходить
аккуратно
на цыпочках
вслушиваясь
в незнакомые
многогочия
(внучка –
памяти)
бабушкин шкаф
часы
сувениры
осветленные
фотографии
дыхание
крохотно
прикасается
до слез
страшно
ухать
спокойно
как все

24 декабря 2002, Калининград

[...]

не иметь права
петь твои песни
приходить и не видеть
стекла
как два человека
скрываясь и пятясь
осторожно о главном
мечта

19 января 2003, Калининград

[...]

как в темной комнате
с закрытыми глазами
руками прикасаясь к пустоте
наощупь – смысл страха
наощупь – смысл сердца
но из-за тонкой скорлупы
не видно ни черта
и только корочка любви
чиста чиста чиста

19 января 2003, Калининград

[...]

тише, тише
тишина
облака
даль
стеной перед глазами
белым листом бумаги
белый
белый цвет везде
как простынь
как наверху
небо
облако
только близко
только везде
сплошное белое небо

29 января 2003, Калининград

[...]

дворы-колодцы
одиночество в квадрате
падение взглядов вниз
(попытка сбросить)
преодоление квадрата желтых
стен и мертвых пауков
прямых углов щербатых
сырой и гулкой штукатурки
шкатулочный божок
играет флейту осень
нет выхода ему там вечно
осень невысокий столб
как стол бутылка сигареты
там вечно влага и усталый гул
непройденных шагов усталых

11 февраля 2003, Калининград

[...]

слишком быстро
менялась
оставляя
людей
километры
не черная
белая
а темная
светлая
и так быстро
теряла
что знала
другая
другая другая
любовь
остаётся
одна

13 марта 2003, Калининград

[...]

котенок спит

а солнечная пыль играет
с ветром в лето
люди уже одеты в светлое
от солнца еще мало неги

котенок спит

а красные ботинки
натирают ноги в лето
и хочется проснуться
от недотроги

котенок спит

и улыбается
во сне

он солнечной улыбки
сын он сер и бел
открыты окна лета
окна солнце пыль

котенок спит

21 марта 2003, Калининград

[...]

ах сладкий запах
книжная страница
желта потеряя
необходимость
книги-птицы
листы
и крылья
лепестки цветов
творили из страниц
и буквы буквы буквы
насекомые
запомнилось
у корчака
король
ты первый матиуш
король
ты первый на коне
скакал по первой книге
и камешки кидал
и мыслил
одинокий
еще был принц
он маленький как сказка
укутанный плащом
пустыней и колодца скрипом
и запахом барашка

на пустых страницах
сейчас так редко
оживают принцы
и короли живут не по делам

10 апреля 2003, Калининград

[...]

ну что там дождь
и небо
в тумане належке
в платке
из голубиных перьев
спускается на землю
тот автобус
ушел
и повернулся
желтым боком
теперь домой
стоять и ждать
покуда небо
не обласкает
не прижмется
чтоб выпросить
еще немного
хлебных крошек
и снова дождь
бредет навстречу
ботинки в дырах
и промокли ноги
он пьяный дождь
он слаб
и нет ни ветра

друга поддержать
ни солнца
чтобы как жена
украсить убедить
...и ты хороший
есть только дождь
но скоро даже дождь
уйдет
оставив мокрый след
ботинок
за моей спиной

11 апреля 2003, Калининград

[...]

как у других
никогда
ничего
не случится
убиваю себя
меня глаза и лица
что останется
от меня
кроме зябкой
пустой
тишины?

15 апреля 2003, Калининград

[Книжка-радость]

Было раньше такое, когда нравится книжка – и несешь ее всему миру показывать, чтобы весь мир радовался оттого, какая книжка хорошая. Некоторые радуются, и тогда ты еще больше радуешься сам. А некоторые не радуются, и стыдно становится, потому что вот не тому ты радуешься, чему этот человек радуется, кажется, что другой человек прав, а не ты. Но стоит кому-то опять обрадоваться – и он тебе другом кажется, понимающим.

А потом другое было. Есть книжка радостная, а никому не показываешь, тихонько сам читаешь. Боишься. Чего боишься?.. Не знаешь тогда еще. А если кто-то прочтет эту книжку исподтишка, и будет говорить всем, что прочел, и о книжке рассказывать тебе будет – тогда обидно становится, тогда как будто отобрали, украли у тебя кусочек твоей радости, как будто секрет твой кому мама рассказала, или подруга рассказала. Отворачиваешься от того человека, и еще больше от него свои радости прячешь. И сам не знаешь, почему – ведь не жалко, если люди другие радуются. А вот не хочешь другим показывать. Радость ревнуешь.

Потом еще так было. Радуешься книжке, и друзьям своим несешь, и знаешь, что им понравится. И тогда радуешься, что ты принес книжку. И когда книжку

читаешь, и когда радуешься, думаешь, кто еще этой книжке порадует, чтобы ему принести и сказать: «На, держи, хорошая книжка».

А потом, сейчас, опять боишься показывать. Не потому, что не порадуются, не потому, что не поймут твоей радости. А потому что радость книжная хрупкая очень, и растащить книжку могут так, что радости не останется нигде. Взорвется маленькая радость спичечной вспышкой, а потом не поверит никто, что это радость была, из моды выйдет радость на эту книжку. Или хуже того – растащат слова, образы по карманам, и не для того растащат, чтобы радоваться потихонечку, в уголочке, дыханием ее согревать в ладонях, а для того, чтобы за свое выдавать. Слова перепутаются, растеряются, один человек не может целиком радость забрать, и вроде кажется – никто не узнает, что не я – вор. Сначала так кажется, а потом и не знаешь, что ты вор. А некоторые сразу не знают. Просто обрадовались – и подумали, что та сторона книжки, которую они увидели, всех всегда радует, и сами радовать хотят, поэтому берут зеркала и отражают.

Радость – она ничья. Она для всех.

28 апреля 2003, Калининград

[...]

Похоже, что можно сидеть так несколько часов, рядом с играющей музыкой (не любимой, ибо вот наскучило все, что есть, хочется экзотики – своей личной экзотики), не в силах оторваться от пальцев-часов-четок-заусенец, нервничая – вот пора же идти, вот дела же, но даже самый страшный экзамен – не страшно, а нервно... В голове крутятся мысли, мысли-волчки, мысли-юлы, юлят, ускользают, незаметные, неуловимые – как, что, где я?

Пакет с едой на полу, возле ног, в нем пельмени – ну и что, что пельмени, успеют, не растают, сейчас, еще немного – неважно, что пельмени, вот это брожение, смятение в теле, внутри – важно. Несмотря на то, что толку от этого не будет, просто потраченное время, так уже было много раз, сидишь, волнуешься, сметаешься в кучку, пытаешься собрать в совок собственного тела собственное порошковое внутри. Если бы не оно... это не лень, нет, зря я потом скажу кому-то – лень было, или не скажу, что лень было, скажу, что волновалась и ничего сделать не могла? Нет. Он рассердится, он такой сильный, ему не нравится ничья беспомощность. Все сделает, только бы не было беспомощности.

Я даже не переоделась, так и сижу в светлых брюках, по коленям кот ходит и мурчит, глажу автоматически, как автомат для глаженья, он мурчит, ему

нравится, он соскучился, а я только пришла и вот теперь встать не могу, а надо торопиться, я уже опоздала домой. Сидела-читала-смотрела на буквы. Он сказал вчера (вчера тоже так было), что значит надо идти стих писать или вообще значит перенаполненность. Написала вчера стих, все не то, все пустое, просто слова, вообще перестало нравиться то, что делаю, как будто просто слова делаю, нет ничего, кроме слов, кроме слов, кроме сочетающихся букв, картинок, которые образуют буквы... Нет чувства вылаканной миски, нет чувства пустоты, все равно бродит внутри, и нервничаю.

Глаза как будто железные. Вот магнитики в разных частях комнаты – под углами от глаз – 15, 30, 45... стандартные магнитики. Или нестандартные. Вот наверняка 17... мысли с радостью помчались по градусам. Образа хочется, сильного, хочется его сделать, взять, обнять, сделать моим, поймать его, чтобы только я и он – один на один и только я и только он, больше никто – ни до... после ни?... не знаю.

Рука на лоб – один раз вполне хватило бы, но сжать лицо, чтобы почувствовать его, онемевшее.

Временно отпустило. Чуть-чуть легче. Совсем чуть-чуть, временно, скорее бы уже.

5 мая 2003, Калининград

[...]

Вот она – есть такая – с пятнадцати лет меняет одного уголовного на другого, все похожи на котов у меня в голове, потому что она похожа на кошку. Что такое, когда хочешь мужчину? Это когда зверский голод, это когда трясет от голода, когда вот – много – вокруг – куски мяса, красивая блондинка с худыми, но рыхлыми бедрами, голубыми глазами, выпуклыми и раскосыми. Это она, которая красила веки гигиенической помадой, или кремом, потому что пересыхали, а от крема смазывалась тушь на глазах, и веки были грязными, но сама она была – и остается – в движениях – грязной уличной кошкой, пренебрежительной, честной, просто уличной кошкой, без дома, без хозяина. Каждое движение – как складывается, как кошка, резкие суставы, нет, не резкие, быстрые, внезапные, грация, грация уличной кошки, кто ты? Я так и не знаю, что в тебе, кроме кошки, Бог – да, Бог у тебя есть, и мне кажется иногда, что Бог – это ты сама, и больше никого у тебя нет, кроме Бога. Так хочется любви, что ластишься ко всему, проверка на объект проста и неприхотлива – всего лишь выдерживать твое кошачье непостоянство, твою кошачью бездомность, бедная, бедная, бедная кошка. Знаешь, он любит меня, а этот меня хочет, так я и не отказываюсь – смеешься кошаче, властно, но жалко, потому что нет хозяина, какая это радость – иметь

собственный дом, а не улицу. Но ты продолжаешь менять одного уголовника на другого, ты продолжаешь искать уличных, чтобы были бездомнее тебя, но им-то что – они дома не ищут, они не чувствуют, что его нет. Бог знает, может быть, ты нашла уже свой дом, может быть, у тебя есть уже хозяин, но нет, ты отгалкиваешь, может быть, ты уже привыкла, может быть, по-другому не может себя вести кошка, которая дома не помнит, у которой мать родилась на улице, у которой отец неизвестен, а материнский помет от всей улицы, может быть, бока твои оттого тонки, что некому к ним прижаться, не подпускаешь, тянешься, тянешься, но в своей бездомности не видишь, что ничего – ничего – не получается, не может кошка бездомная полюбить хозяев больше, чем себя, больше, чем у нее всегда было. Не сможешь ли ты в своей неприхотливой гордости потерять себя, не сможешь ли ты быть кошечкой с бантиком, тактичной и тонкой, не сможешь ли ты? Не сможешь ли ты перестать быть готовой к удару или обедам...

Как ты показывала мне и тогдашнему моему внеочередному мужу своего любимого... как ты сразу обсмеяла его полноту, но посмел бы кто-нибудь из нас сделать это – да, отшутилась бы, но лицо бы твое в этот момент побледнело, оттолкнула бы взглядом. Все сама, все сама. Дневник в пятерках, в десятках, десятки олимпиад, десятки падших, десятки отринув-

ших, и фотографии – что с той фотографией, где чья-то рука помешала, где кто-то рожки поставил, обсмеял. Ты потом ненавидела того, кто это сделал, почему, посему, ты потом принижала тех, кого любила, отказывалась от них, не от себя, может быть, дарила себя, но при мне все время позировала – а я так могу, я так могу, я самая лучшая в постели, я так трахаюсь, как никто, ни одна проститутка с московской так не может, так ли это было, так ли, почему тогда это ощущение фальши, что не может так человек, не может он иметь только Бога и отлично трахаться, ты имела его, кажется, так – оттого, может, ощущение бездомности, может, неглавное это, либо ты кошка, либо ты домашняя...

Нашла ли ты свой дом, просто ли там, приходится ли тебе там защищаться, приходится ли принимать красивые позы, приходится ли призывать-проявлять свою гордость, гордость бродячей кошки своим котенком, гордость своей миской и своей – единственной – тряпочкой в кустах, в подвалах.

5 мая 2003, Калининград

[...]

А-га-шааааа

А-га-шааааа

Ударней и выше последний слог. Пусть танцует, пусть, танцуя, поднимается ввысь. Пусть отрывается от земли, отрывается от естества, пусть будет само по себе, пусть живет вне меня.

А-га-шааааа

А-га-шааааа

Что значит это слово? Ничего, это не слово, это голос, это воздух из легких, воздух из воздуха. Запомнилось – звуками «а» из русалочки, это последняя песня ее перед тем, как ей вырвали голос. Не потому красиво, что жалко, нет, не жалко, не жалко тех, кто умирает с улыбкой, не жалко тех, кто хочет умереть, чтобы быть счастливым. Не могла она не знать своей смерти, даже в версии для американцев с хэппи-эндом. Я люблю хэппи-энды, я плачу, когда его нет, когда герой умирает, и больно внутри, и мир кажется прошлым, полчаса назад – это уже не тот мир, что сейчас, если умер герой. Как будто эльфы, хоббиты были – и нет больше. Есть люди, которые ищут сейчас

А-га-шааааа

А-га-шааааа

в камнях Шотландии, там гномы живут, их кустами огораживают и разрешения у них просят на строительство, там гномы живут – туристические. А боль-

ше ничего нет, кроме как туристического. Когда мания поиска редкости – это убивает редкость, пусть лучше живет, где иначе жить сказкам, как в недоступных человеку местах. Где-то в России есть такие, есть ведь, правда, непроходимая тайга? Пусть там живут гномы и белоснежки, не ходите туда, а то вдруг увидите, что их там нет. Пусть они там живут.

А-га-шааааа

А-га-шааааа

6 мая 2003, Калининград

[...]

Маленькое счастье
хрупкое, как котенок.
Каждую секунду
береги его.
Каждую вечность
надевай на него –
станет крепче.
Если только нить
не порвется
в самом незыблемом
месте.

17 мая 2003, Калининград

[...]

Разучиваясь писать стихи не регулярно, но постоянно, бояться, что это – последнее, больше ничего не напишется, потеряется ниточка, которая связывает меня с тем местом, где стихи начинаются. Может, похоже на скважину, у каждого – своя. В моей – пятьдесят стихов. Можно написать за день, а можно – не успеть написать. Кто-то пишет, уместается в паре слов; кто-то разбавляет, боясь истощить. Может, так правильно? ...а что станет с заброшенной скважиной? Наверное, она потеряется, а может, ее кто-то найдет.

Получается больше прозы, чем стихов, это кажется странным и непонятным, как будто вырастает в тебе что-то новое, может ребенок, говорят – стихи как дети, они вырастают и уходят, как только достигают переходного возраста.

Все пустое, ничего не получается, кроме звука – птица клювом клац-клац-клац, это пальцами по клавиатуре. Люблю, чтобы клавиатура стучала, тогда слышишь, сколько букв руки нажали, и не теряешься в количестве букв. Начиталась сегодня всяких текстов, не могу голову освободить, все какие-то строчки в голову лезут, заполняют в ней все, только вроде бы успокоишься – а они вдруг бац! – и выскочили, хрюндели. Интересно, я много таких штук видела смешных, у Хармса, например, – народ читает, ему нравится, более того, это считается литературой. Нет-

нет, я не претендую, я знаю, что глаз у меня одной меньше, чем у всех людей, и находятся они не там, где у Хармса, тем более не там, где находились бы у его отражения, если бы он в зеркало посмотрелся.

А теперь побежала домой хозяйством заниматься.

9 июня 2003, Калининград

[...]

Дождь – белый
на фоне неба.
Крыши красные:
черепица,
труба –
вид из окна.
Российский флаг
на белой стене –
офис:
компьютеры,
шум вентилятора,
тихая музыка.
Дождь
и горлышко неба.

10 июня 2003, Калининград

[...]

Жарко в свитере черном.
Чувствуешь себя
птицей-вороном.
Люди по-летнему в светлом
обособились от меня.
Тень похожа на тень Бродского:
одинок без плаща и без зонтика,
а было бы проще
чувствовать себя кем-то
определенным.

Неумение быть свободным.
Свобода неумения быть.

Глаза прищурены:
режет свет.
Новая тактика:
заученный шаг.
Джеймс-тринити-джеймс –
невольно
в темных очках.

11 июня 2003, Калининград

[...]

Я буду жить так четко,
уверенно,
все шаги мои
придутся к нужному времени.
В руках лента
с детских моих волос,
на ней узелки:
лестница,
солнце,
голос,
воздушный шар,
увиденный в марте,
все детеныши в зоопарке
и ребенка мокрая мордочка.
Зажать все в ладонях
до последнего солнца
и прошептать тихонечко:
«Все зависит от горизонта».

12 июня 2003, Калининград

[...]

и сидеть и молчать тихо-тихо
и думать – мысли кольцом
одна за другую – рты и хвосты
я – или ты
грустно – глаза так наискосок
исподлобья спрятаться в синие окна
в черное небо в дым сигареты
укрыться укутаться уползти

29 июня 2003, Калининград

[...]

профессор жестов вхож в себя.
расстегивает пуговку рубашки
и раскрывает руки. никогда
за спинку стула он не сядет
и не засунет руки в брюки.

профессор места будет выбирать
как встать, чтоб голова на ровном фоне,
чтоб не было предметов у лица
и чтобы в плоскости не выросли рога
из кактусов или пизанской башни.

профессор каллиграфии – следящий
за ровностью строки на строчке,
за твердой точкой, за большой петлей
у буквы «в» и прочих, прочих, прочих...

профессор звука будет глубоко
дышать, объемн, чист и переливчат.

профессор просто – любит, дышит.
он ничего не видит и не слышит.

18 июля 2003, Калининград

[...]

а с ней что:
родила себе дочку
в цветочек
назвала Иоанной –
Енькой (две точки)
уже пять годочков
двадцать
маленьких пальчиков
и рот – лепесточком
улыбается многоточно
мама-мамочка
этот цветочек
это розочка, мама?
это розочка-козочка-позочка

6 августа 2003, Калининград

[...]

смотреть на улицу. стена. разруха городов
и недостроенных старинных прусских замков.
пыль в воздухе. глоток песка. уже готов
к тому, чтобы ползти. чтоб просто петь устало.
усталость равнодушна. больногород.
песок по горлу. по груди. по пояс.
глоток песка засыплет город
и город будет умирать. он долго
будет спать. потеть и красным открывать глаза
и видеть самого себя больным. в окурках. в банках.
изношенным. изнашенным почти.
он наизнанку пуст.

11 августа 2003, Калининград

[Русалочка]

*перышко ангела
точит камень
семь дней сотворения мира
туда и обратно
вода точит камень
морская пена – вода
человек сделан из камня
жизнь зарождалась в воде*

1.

море

лучше бы я
не могла говорить
я была бы русалочкой
бросилась б в волны
катились
было бы хорошо
и не больно
ты бы меня не увидел
...и не запомнил

2.

глаза

только глаза
оставались
морем

3.

танец

в ногах – волосы
на носочках
на цыпочках
больно
так больно
и так красиво
вокруг
от твоей любви
ты меня видишь
возьми меня
прикоснись
я уже не посмею
самый красивый
последний танец
кто там
весь океан

4.

голос

вырывали мне голос
спокойно
умело
с восторгом
пела
и пела
летела
над морем

раскинув руки
воздух
и море
пробовало дышать

5.

магиня

кто ты
весь океан
над тобой
миллиардами капель
в тебе
магиня
каждое слово – вздох
древняя
из последних змиев
весь океан
говорит о силе
невозможно
к тебе не прийти
вырви мне голос
...я
...не хочу
...говорить

6.

ты

ты еще спал
а я видела

твое лицо бесконечным
обнимала руками
ресницами
всем телом
всем... что было

7.

камень

памятник тебе
памятник
на дне океана
в прозрачных водорослях
я помню
я помню
он там в глубине
кто знает что он там есть
я прикасалась к камню
я касалась и гладила камень
он превращался в твое лицо
я касалась
и камень
превращался в твое лицо
...от моих касаний

15-21 августа 2003, Калининград

[...]

голосом
твоего молоточка
стану радостной
как цветочная пыль
погоды чуток
и я больше не буду гордой
буду тебя любить
мягко
блондинисто
двубортно
буду делать аборты
без всяких проблем
рефлексий амнистий
это не очень сложно
знать бы только
как долго
мне еще жить

27 августа 2003, Калининград

[...]

я хочу стоять и смотреть
молчать как падает дождь
как сова ух дубинушка
крылья за спину через лес
перелезть через кожу бы
с перьями в твердь
ночь и небо недалеко

26 сентября 2003, Калининград

[...]

Ты – женщина,
пригодная к тому,
чтобы не есть,
не пить,
не спать,
а лишь творить;
творить дитя,
творить мужчину,
не изменяя
и черты лица
любимого мужчины.
И так –
без отдыха,
и без конца,
и без причины.
Его любовь
не помнит ничего.
Но знает,
как уйти,
покинуть
нажитое счастье,
когда закончится
оно.

11 октября 2003, Калининград

[...]

Ты обидел словом и жестом,
а хочешь,
чтобы тебя простили за время.
Слабость к неуважению,
сила – к делению на два.
Она может выбирать долго.
Тебе некогда
потянуть за подол.
Она знает так много,
а так слепа в темноте.

10 ноября 2003, Калининград

[Сказка До]

Во сне было холодно, напряженно. Исчезали видения, уступали места быличкам, отстраненным, но близким; что-то родное: запах кофе, какие-то самовары, старик в светлых широких штанах суетился возле печки. Взволновал пояс с орнаментом из танцующих человечков. Они поднимали руки, оттопыривали ноги и смешно приседали; они улыбались, и от этого было смешно и мило. Кто-то внимательно посмотрел в глаза (старик?) и забрал пояс, проворчав: «Станишь тут деткай». И непонятно было – то ли «дедкой», то ли «деткой». Засмушалась, задумалась; неуютно спрятала губы в кулак, уменьшилась телом. Старик зыркнул и

Встать не могло. Сон лежал в комнате, снег на улице. Темно; зябко. Завтрак, сделанный вчера для вчерашнего завтра разогрет, разложен в тарелки. Кофе? Чай – лимонная долька в сахаре. Движения медленны, сладки; тяжелы в сумраке.

Вчера о сороках, детях, бесах и обычном; до самого вечера, спящим не было слышно. Горячее вино с гвоздикой: моя кружка из глины, твоя из твейна. Горько – на губах. А дальше за – карты, гитары, шахматы. Спичкой к нам. Уронил горящую спичку; неловко посмеялись, чтобы не так. Целых пятьдесят за сто!.. За замерзшие ноги, за скошенный стул.

Площадь пуста. Мы втроем греем руки; он похож на английского летчика, богослова*. Дети в себе идут по низким улицам, у девочек тонкие ноги, коленки и башмаки. Редкие люди улыбаются мимо, смеются не нам; мы над ними, глотаем коньяк. Кисло, вяленая рыба, головы вниз, под ноги.

Уехал домой, далеко; холодно.

Пятница. Соседи чистят зубы: завтра наступит рано: дети. Я только нарезаю крабовые палочки, коту вкусно. Раздулся, лапы умильно; спит по-китайски. Лик луны в окно; поздно, смеешься, работаешь. Удивляешься рукам; я изучаю части предметов. Соседские дети смотрят на дырки в колготах; пальцы им улыбаются, играют. Ф о т о а п п а р а т . Зенит; три кадра в остатке на завтра.

Ваня, не Вася; сосед. О котях может говорить долго, как Жанна о раковинах. Вокруг разведенные, дети где-то. Наверное, не помнят; кроме имени, кадров, запаха. Бесконечное поведение. Алкоголь. Руки в раковине, до блеска, до визга; отражаюсь в желтом. В постели не спишь; целую в ночь, мягко, легко, с тобой.

24 ноября 2003, Калининград

*«разве английские летчики / не лучшие богословы» - цитата из цикла стихов П. Настина [письма к королеве луизе].

[...]

Он покупает ей вещи:
куртку,
чтобы было тепло;
будильник,
чтобы она
не просыпала и
будила их вовремя;
электрический чайник, чтоб
было быстрее и проще.

Она желает ему
спокойной ночи
и приносит тапочки к ванной;
она оставляет ему
открытку с подписью,
когда уходит на полчаса;
она берет у него чашку из рук,
чтобы он
не вставал с дивана.

А ей бы –
чтобы он улыбался.

А ему б –
чтоб она работала.

26 ноября 2003, Калининград

[...]

ты становишься
(больше и больше)
похожим на меня
*(отвернись:
я переоденусь)*

27 ноября 2003, Калининград

[...]

неузнаваемая королева
осенних камешков и речной воды
сидела у берега ловила
волны
чтобы глаза были
зелеными карими голубыми
чтобы душа глубокой
а сердце прозрачным были
любви
ряску бумагу презервативы
любви
мертвых рыб
их верхнее белое брюхо
лови их руками
пусть дно речное
не будет сухо

27 ноября 2003, Калининград

[...]

мне нравится
когда один
тебе нравится
когда один
ему нравится
когда два
ей нравится
когда три

когда мне
будет больше
лет
я буду любить
больше

27 ноября 2003, Калининград

[Мишкино больше]

1.

польша
мишкино больше
мишкино лучше
подарки
автобус в эльблонг
а после
все ж польша
варшава
от автовокзала
ничего не мешало

2.

шуршат
округлые камешки
так шепотом
чтоб не мешать
дети шепчут
смешные истории
и пугают друг дружку
в любовь

3.

а белки-то
белки!..
ищут в руках

орешки
в руках бумажки
в белках вчерашний
год

8 декабря 2003, Калининград

[День снега]

цикл стихотворений

[...]

снег
за окном чистота
и небес простота
неспроста
болезнь живота
от пустого листа
есть такие места
от большого моста
до пустого гнезда

[...]

снег тает в руках
а хотелось бы
чтоб на ладони
чтобы близко к лицу
посмотреть
и взглядеться
а после
принести в постель тебе
вторгнуться в сон
холодным
рисовым
облаком

может
приснится поле
полное
белых бабочек
или может быть снега

[...]

ты читаешь
какие-то анекдоты
мы придумали
городской жанр
раньше всего
исторические анекдоты
или пародии
ты любишь фолк
дима говорит – фольк
это мой день
рождения моего
декабрь

[...]

как хотелось бы
петь научиться
вечером снег в окно
и темно
я брала бы гитару
и пела тебе перед сном

ты бы любил меня дольше?

[...]

а в снегу
далеко-далеко
нашли труп
мужчины
сорок восемь лет

нашли и того
кто убил ножом
это его жена
лет пятьдесят от
рождения прошло

буфетчица
и та девушка
из гардероба
теперь знают
кто виноват

13-14 декабря 2003, Калининград

[Уголок]

цикл стихотворений

[...]

я нарисую для тебя уголок
в который
посылают за счастьем

я умею
это
проще простого

берешь угольник
прикладываешь к
своему лицу

и смеешься
в самую серединку
пластмассовой
загогулины

[...]

покажи мне
что у тебя
в ладони

раскрой
пальцы

только тепло
больше
ничего нет

[...]

я встречаю тебя
и твоё пальто
и шарф
и сумку твою

издалека
ты очень похож
на почтальона
из старых
фильмов

я тебя обнимаю
и улыбаюсь тому
что может случиться

[...]

ночь –
это белый
пододеяльник
темно-синяя команата
и мурчание в утробе кота

26 – 28 января 2004, Калининград

[...]

Вот стоят и кричат, галдят, лают, рычат, кусают...
И все о свободе.

Я не о политике, что вы!.. Я о некоторых вообще.

Они борются за свободу для себя, требуют прав курить
и пить в подъездах, петь по ночам, высказывать свои
мысли по любому поводу. А мне кажется, что прежде чем
получить право говорить, нужно доказать свое умение
слушать. От тебя до меня. От меня до тебя.

Есть довольно много книг, в которых показывают, как
выражает себя любовь и как воспользоваться ею, как обмануть.
Ты знаешь, о ком я. Об этом мой «Профессор»; мне он
не нравится. Я его упоминаю, чтобы сделать тебе приятное
– я хочу, чтобы тебе было приятно. Потому что я тебя люблю.

Скажи, почему курить в подъезде – это не свобода?

Ты не обязан отвечать.

...Потому что у Натальи Андреевны с четвертого этажа
астма, а еще есть Валерия Александровна, у нее астмы нет,
но она не любит табачного дыма.

– А я не люблю запах картошки с луком, которую она
жарит почти каждый вечер.

Ей больше негде. Ей уже девяносто лет. Она ворчлива и
невежлива. Она настолько полна, что похожа на большой
торт. Она не пропустит тебя, когда идет по лестнице, от нее
плохо пахнет – она скоро умрет. Я не знаю, как научить
тебя любить именно ее. Ты, наверное, меня не понял.

...Любить не человека, любить чудо в нем.

23 апреля 2004, Калининград

[...]

Так хочется быть для тебя самым важным, чтобы мое настроение было важнее вкуса пива и цвета неба. Чего еще может желать человек, который слишком долго жelaет и потому перестал ждать. Нет сил, чтобы быть с тобой, и нет сил, чтобы быть без тебя.

Слишком пафосно – слишком умильно, слишком пошло и слишком изящно. Жаль, что смерть далеко – еще три сантиметра прожить по ладони. Встать на цыпочки и упасть от твоего пренебрежения устаревшими формами.

Старость. Я совсем старая, старая игрушка. Какой бы яркой я ни была, новая стоит дешево – влюбленность в прозрачном бокале. Завтра наступило давно, я проспала, меня прогуляли.

А ты для меня – самая важная лимонная долька.

23 мая 2004, Калининград

[...]

темнота
чувствую кожей
вдыхаю
твою темноту
ты чуть дышишь
так тихо
чуть слышно

23 мая 2004, Калининград

[...]

ты хочешь меня пролистать
до последней страницы
вылакать
как собака миску с водой
и потом отойти,
насытись

ты вырос
совсем большой
и упрямый мальчишка

они
рисуют мне крылья
как будто хоронят заживо
рано мне, рано
– про себя, чтоб не сглазить
хочется голову спрятать
в ладони

и вижу
костяшки –
куриные лапки

13 июня 2004, Калининград

[You-you]

цикл стихотворений

*

как скажешь
мой король
как скажешь
ты можешь кролем
а можешь брасом
бросок
и в воду
с головой
ах голова
такая важная
я ей не ем
не пью
не сплю
я по ночам
в каких-то
тех местах
в которые не верю
ты не поверишь
мой король
ты не поверишь

*

меня спросила а
а можно ли

и мне ответил б
что можно
можно

*

и буква ж
растопырила лапки
встала на задние
сделала ша

*

я не спеша
шаг
за шагом
я чайник
слишком редко
кипящий
слишком резко
я
убегаю от я
как же ты
о симулякрах
я в них
не проживаю
я еще не прошла
всех стадий
я даже не бабочка
я даже не бабушка

а ты сразу так
в двадцать пять лет
неужели
найдено
найдено
найдено
точное решение жизни*
и вся моя
педагогика
вся моя
логопсихия
никчему

*

это
видно
такое
поление
спокойное
поколение
говорящее
гомо сонорус
говорит
и прячется в норы
в этот сон
вдоль кровати
не поперек

не к перьям
а в наших крыльях
давно от дождя укрылись
мы:
я
и какой-то ты

*
строчки короче
к ночи

*
твой старый клоун
совсем устал
он встал
под старыми часами
и стоит
он больше
не смеется
над собой
а лишь над нами
и я ломаю
об него
свои предлоги
не ноги –
мало ли

*
ну все пока
ты обещаешь

пока
пока не бьются
блюдца
и стаканы
вернуться рано
чтобы все успеть
у нас так много
дел
а без тебя
уже никак
не обойтись
давно пора
еда готова
стол накрыт
и точно
будет завтра
вторник

7 апреля 2004, Калининград

*«найденное точное решение жизни» - цитата из стихотворения
П. Настина [зима и улыбка ри].

[Деревце]

цикл стихотворений

*

рука его протянулась
до внутреннего дерева –
толстого
как травинка
и крепкого
как одуванчик –
и сжала
до самой воды

...очень хотелось ему
пить

*

вот так вот
опять
слепые глаза
руки вперед
растопырены пальцы
по досточке
проще бежать
чем идти

*

ступенька вверх
оп!
ступенька вниз!
оп
а лестница
ведет туда, куда ты по ней идешь

*

конфетти
в прозрачных карманах

*

это отсутствие материи
обусловлено слишком большим размером
вашего платья
на пояс только и хватит

*

нет нет нет
да да
нет
сильнее
чем да

*

а таких как ты
немного –
горсточка
можно повыбирать
нос повертеть
глаза посмотреть

*

опять
температура
двадцать пять градусов
а ты ничего не понимаешь
не поминаешь
не поминаешь

9 мая 2004, Калининград

[...]

я знаю, как мое солнце любит меня
оно прижмется щекою к моей щеке
и легонько укусит, меня дразня
а после отправится в путь налегке

нелегко тот путь, далек от моей стороны
а солнце мое пойдет
места себе не найдет
вернется ко мне и скажет, что нет никакой стороны

а место его будет пусто, светло и тепло
вместо земли трава
на мягком лежит голова
уши растут и слышат, как оно идет

9 июля 2004, Калининград

[...]

Дождь – сначала в небе, потом в реке.
С высоты – как с вышки, из шара – в каплю.
Струйкой – быстрой – у тебя – по щеке,
И вдруг – по *моей* ладони, *моей* руке,
И с локтя – на землю, на сухого мха паклю,
По разбухшей – живой – земле – в воду,
Еще не в море – еще под ноги – босые ноги –
И из-под ног – по иголкам, по блеску, меж них проходу.
И они зашевелиятся, будут разбужены – так немного
Ей надо, чтобы входить одному в другого.

19 июля 2004, Калининград

[...]

Чтобы писать тебе, надо быть в чем-то уверенной, правда?

Не то чтобы тебе, а чтобы писать вообще.

И стать лестницей от себя в поднебесье, чтобы забрался по мне, царапая ноготками – ты не любишь стричь ногти, правда, терпишь до последнего? Пока носки не станут рваться. А говоришь, ботинки неправильные, дешевые. Странно – когда я была маленькая, я думала, что дешевые – это правильные. Еще я думала, что кожа должна быть толстой, а тонкая – это непрочная, порвется быстро. И тут все наоборот. А ты ползи, ползи, мне приятно, а вовсе не больно.

И тут я замечаю, что тебе все равно, больно мне или нет, и сразу становится больно.

А ты уже тянешься руками, я смотрю в твои подмышки, там так глубоко, что голова у меня начинает кружиться. А ты уже так высоко по мне взобрался, что меня совсем не видишь уже, и голову к звездам задрал. Вот, думаю, не достанешь, и еще думаю – жаль мне, что не достанешь, или нет. И со стыдом понимаю, что не жаль, что хотелось бы, чтобы не достал, и радуюсь оттого, что звезды-то – они высоко.

А ты берешь их руками, разглядываешь, разговариваешь с ними, и они тебе на ушко шепчут что-то. Вот, думаю, какой ты, и приседаю, чтобы ты пониже стал, и легко мне стало, страшно легко.

Поднимаю голову кверху – а ты уже там, на небе, со звездочками разговариваешь, и никого тебе не надо, чтобы на землю опереться. Тогда я иду домой, в уголок, чтобы тебя не видеть, мне страшно жалко, что я тебя за ноги не удержала, может, с тобой поднялась бы. А еще понимаю, что мне туда – бесполезно, потому что языка звездного не знаю, только и слышу что «шу-шу-шу» в небе.

27 июля 2004, Калининград

[...]

походить посмотреть
поллюбить по углам ютиться
с крючком со спицами в колесе

вжик
вжук

а он все пилит и пилит
стружки там колечко на палец
у меня говорит ожог

а я говорю ему
видишь детка моя бегают
не пускай ее за калитку спать

5 августа 2004, Калининград

[...]

– Что-то этот Заяц Подпенечный о себе возомнил, вам не кажется? – спросила Лиса у всех и у каждого, протягивая Волку сигарету.

– Да нет, что ты, это временно, это пройдет. У него возрастное, поиграет и успокоится, – пыталась успокоить всех Белка.

– А что случилось, Лисонька, о чем ты говоришь? – нахмурился Волк.

Лиса села на поваленное давным-давно ураганом Дерево-Дуб, положила лапу на лапу и стыдливо прикрыла хвостом половину мордочки.

– Он начал петь. Но у него же совсем нет голоса, а он поет. И все время – слышите, постоянно – делает вид, что он страшно занят записью своего альбома на компакт-диск и концертными программами.

– Ну что ж в этом такого? – удивилась Белка. – Разве это плохо, когда молодежь развивается и выходит в звери?

– У него так плохо получается, он все время дает петуха. Он же нигде не учился и даже представления не имеет, как звери поют!

– Да, мы наблюдаем понижение качества массовой культуры из-за большей доступности техники и отсутствия фильтрации. А чего ты хотела при новом правительстве? – Волку был неприятен разговор о

конкретных животных, он желал переменить тему на что-то более абстрактное.

– Я очень люблю Зайца, он очень талантливый и хороший мальчик, всегда хорошо ко всем относится, отличный товарищ... – Белка смотрела на опавшие сосновые иголки.

– Да никто не спорит, Белочка, что Заяц очень хороший, речь не об этом... – Лиса положила лапу Белке на плечо.

– Белка всегда так – ничего не понимает, а высказаться хочет, – Волк улыбнулся Лисе.

– Неправда, ты опять врешь, – сказала Белка шутливо, и все улыбнулись.

Лиса встала и дернула чуть-чуть хвостом. Волк предложил ей лапу, и они пошли впереди, о чем-то оживленно разговаривая вполголоса.

Рядом с Белкой шла молчаливая и ни во что не вмешивающаяся Сова, которую все уважали за ее традиционализм – перышки там почистить, мышей на зиму заготовить.

11 августа 2004, Калининград

[...]

я – бабушка
пекущая колобков
первый пошел
второй пошел

каждому колобку
по делам его
по лисе
по коню
чтобы не быть одному

я пеку колобков
кто-нибудь да найдет
свою смерть
а кто-то закатится
в уголок

15 августа 2004, Калининград

[...]

маргарита следит за нами
говорит что не хочет идти
у нее на пятках
браслеты
змеиные пятна
она держит себя за локти

ну что ты
идем с нами
ты будешь как все свободной

18 августа 2004, Калининград

[...]

Видишь – я обнаженная стою перед тобой, все мысли видно.

А есть и другие женщины – они обнаженные чувствуют себя одетыми.

А мне до сих пор снится, что меня кто-то видит, как я на окраине парка бегаю в поисках какой-нибудь ветоши, чтобы укрыться от их взглядов. Но они-то видят, заходят сюда пописать и просто так, а может быть, они меня именно ищут, хотя нет, у них тут назначена встреча.

А та, другая, с прямой спиной, подняла бы голову кверху, и все увидели бы, что она – в красном, и накинули бы какой-нибудь плащ ей на плечи, и повели бы ее под руку.

А ты все спрашиваешь меня, во что я верю.

28 августа 2004, Калининград

[...]

остановилась во рту булавка подол заколоть
руки в мыле лодыжки в носках куда ж такая
а она все бежит куда-то на кухне там пол помыть
постирать одежду нитки где надо вшиты
а ребенок орет сморщился старший за ним
начинает мама мама смотри на меня какой я
а у нее фартук с плеча сползает и локти лезут
в туман над плитой где ничего не видно
вода шумит и не слышно мама мама куда ты
смотри на меня какой я и младший
скорчился на кровати лежит весь красный
и она уже рядом меняет памперс на памперс
а ребенок шевелится в животе кулаком елозит
куда же в детдом такого она говорит
сильным будет

23 сентября 2004, Рига

[...]

генеральная уборка похожа на ремонт, и можно – я так думаю, что можно, – курить везде: и сидя на полу у жестяной мисочки, и ходить вокруг, примериваясь к потолкам, и подходить к ней, к мисочке, и иногда – задумавшись – терять его (пепел) там, где стоял задумавшись, оставляя пепельный след; и пыль на свету, и гулкий воздух от голых стен.

когда я убираю, я стараюсь представлять себя в такой клетчатой фланелевой рубашке и растянутых светлых джинсах; и маленькое такое черное, дребезжащее – ритуальное радио.

и вот я стою, и курю в законный дождь, смотрю в ночь, на грозу, на сферы света в темноте, сырости, своем отражении, и вижу, что город никуда не вырастает.

за спиной – разноцветные вещи, желтые на свету, и умца-умца.

и всё никуда: ни руки, ни ноги.

и целый город еще впереди, и абсолютная пустота.

30 октября 2004, Калининград

[...]

кажется – надо бы не давать
но ведь
ему надобно говорить
он по-иному – не может
только так именно
и я вот тоже
попробуй не дай

учусь немоте
молчанию

рыбой быть
камнем быть
каменной рыбой быть

16 ноября 2004, Калининград

[Silentwar]

цикл произведений

*

это моя спина
прислонилась к твоей спине
это мои лопатки
колют твои лопатки
это мои ягодицы
слились с твоими
не наступая
друг другу на пятки стоим
это наша с тобой война
наша маленькая война
за место у нас под ногами

*

кто стоит у нас за спиной
это он стоит у нас за спиной
и говорит: *connecting people*
я думаю: это связь
ты думаешь: это мобильно
ты там, а я здесь
и это – неизменно
но, говорит: *connecting people*
неизменно
неизменно
неизменно

*

слышишь
это такие помехи
кхе говоришь кашляешь
слышишь это помехи
мега час пик в магазине
мы открываем
ты слышишь мы открываем
сезон охоты на сфинксов

стой где стоишь
ты должен стоять до неба
мы открываем
сезон охоты на сфинксов
день сегодня именно этот

мы будем использовать деньги
мы будем не спать всю жизнь
мы будем шелковым шелкопрядом

надевай свою лучшую маечку
надевай уже
нам пора выходить
искать лоящего яблоки

*

крыша нашего домика падает
разрушается
кричит и машет руками маленький
маленький боится маленького

большой боится большого
(по-другому тоже часто бывает)
бородой укрывает
ладонями шершавыми укрывает
теплыми
все мы смертны
бабушка смертна
мама смертна
ты смертен
я смертен
крыша нашего домика смертна
наше небушко смертно
но ты не бойся
будет другая бабушка
будет другое небушко

*

когда я раскрываю руки
я: размыкаю себя, раскрываю себя, открываю себя тебе
когда я закрываю руки
я: укрываю нас, закрываю нас, замыкаю нас от других

15 октября 2004 – 7 января 2005, Рига-Калининград

[...]

И куда б ни хотелось тебе убежать,
убежать невозможно
ни в место такое,
где никто не знает тебя и не помнит
и ты существуешь с листа
без своих закорючек ненужных,
ни в место такое,
где ты никого не помнишь,
а значит, не можешь встретить кого-то случайно.
И кто-то кого-то напомним,
и ты окажешься новым, таким же.

Это будет твой выдох
и вдох.

Насколько хватит тебе кислорода,
столько и проживешь сначала.

15 декабря 2004, Калининград

[...]

Что у меня в кармашках –
маленькие клубочки счастья.
Все знают, на что
они
похожи –
не надо показывать.

Всегда – в животе у котенка держать.
В животе у ребенка держать,
пока не начнет говорить,
исчезать,
исчезать,
исчезать.

7 января 2005, Калининград

[...]

когда ты уехал
я
каждый вечер
слушала бетховена
и
танцевала
я
каждый
вечер
танцевала
чудно!

дома
одна
для тебя
я

маленькое такое я
спичечное такое я
славные такие ботиночки

22 марта 2005, Калининград

[...]

...и нет ничего слаще его живота,
и нет ничего.

апрель 2005, Калининград

[...]

а он каждую ночь творил для нее по чуду
– ему было всего семнадцать,
звезды, качели в небе – рупь-двадцать, в сущности.
ей бы заплакать и убежать,
она даже умела плакать.

но так хотелось попасть к плечу –
на запах его волос,
на вкус его кожи между лопаткой и.
тыкаться носом ты.

ты думаешь, я лечу?

14 июня 2005, Калининград

[...]

Время летит, как птица,
которая никогда на землю не садится
и на воду не садится,
и только кажется, будто тень ее
далеко впереди бежит
и по нашим следам идет;
а мы вот где стояли, там и стоим,
и только рты открываем, как рыбы дышим,
– где оно, папа, море?

июнь 2005, Калининград

[...]

и пока никто не спросит меня:
– зачем ты предаешь,
зачем отдаешь –
...и пока никто не спросит меня
изнутри,
...то есть – если снаружи,
то я скажу: нет,
да что вы!
– *да что вы!..*

*(и эхо внутри меня
отбивается от суставов
множеством маленьких
каучуковых мячиков.)*

и только
подушечки пальцев стучат по столу.

22 июля 2005, Калининград

[...]

у меня болят вены,
в которые меня кололи, когда я была больна.
так вот, сейчас, когда я здорова –
почему у меня болят вены,
моя жизнь.

3 августа 2005, Калининград

[...]

По ночам ко мне в комнату вползала змея.
Она светилась золотом,
пахла настоящим холодом.
Она меня обнимала, окольцовывала,
шептала на ухо:

«Я летел на воздушном шаре,
Воздуха было так много, что было трудно дышать».

Я за ней повторял, целовал ей хвост:

«Я летел на воздушном шаре,
Воздуха было так много, что было трудно дышать».

И в этой пустой тишине
я был только слаб и слеп,
я был только слаб и слеп».

7 сентября 2005, Калининград

[...]

И даже если мы с тобой люди,
для которых дорого стоит время,
даже если мы с тобой – люди,
для которых время само по себе ничтожно,
и ты предлагаешь почту, простую почту
перевести из формата времени в деньги,
чтоб не стоять в дорогостоящей очереди,

то как мы сможем жить стариками,
как мы сможем ждать друг друга из армии
или – не дай бог – из тюрьмы?

И все время хочется, так нестерпимо хочется
исправить что-то неважное.

Есть люди, которые в крайности,
живут на самом краю,
на самом краешке неба.

Разве не ради них –
наше с тобою время.

...То есть – мое.

19 сентября 2005, Калининград

[...]

в тот миг, когда я про это читаю,
про то, как некто, побывавший в раю,
держит в руках охотничье ружье, –
я перестаю понимать,
как можно жить человеком
во всей этой тишине,
в этом мерцающем свете?

25 сентября 2005, Калининград

[...]

и вдруг – что-то поняв про это – сорваться с места,
бежать по долгой извивающейся улице с выступа-
ющими кирпичами и фонарями – подленько так, из-за
угла внезапно в лицо, и в результате прорвавшись
увидеть тебя, и схватить за руку, и отвести в угол
какого-то чердака; и там приставить свой лоб к твоему
лбу и тебе: – о боже, кажется, что здесь мы еще
никому не нужны и, кажется, никогда не будем, –
сказать, краснея и задыхаясь от бега.

и мы смешались, и трогали друг друга за плечи, и
от страха рвали друг друга на части, вконец
онемевшие.

и пахло чаем, и чьей-то шерстью, и мы ушли.

18 ноября 2005, Калининград

[...]

Ко дню нашего славного города
– того самого, шестьдесят на семьсот пятьдесят -
было постановлено нашей мэрией снести старые
никуда не годные остановочные пункты
– металлокаркас там и сэндвич-панели,
продающие газеты и всякую дребедень,
в которых еще были прекрасные окошки
на уровне груди, и только нагибаясь
– ты к продавцу и продавец к тебе –
вы могли увидеть друг друга.
А так, конечно, видели руки – редко уже с часами,
и животы, и, если даже повезет, грудь.
Так вот, их снесли и на их месте
разместили остановочные комплексы,
сложенные из этого, как его, металлопластика,
то есть металлокаркас и что-то там еще цвета
натурального дуба, но гораздо дешевле.
Комплексы состоят из трех будок:
для продажи газет и пива тоже с окошком,
но почему-то на уровне живота, так что
совсем ничего не видно кроме того, что покупаешь;
и третий – игральные автоматы,
в которых есть маленькие щелочки, в которые нужно
просунуть деньги.
Моя соседка Таня сейчас там работает.
По закону предполагалось, что дети в них играть,

конечно, не будут, так же как и покупать
пиво и сигареты в соседней будке.
Но каждый день проходя мимо таких комплексов
...повторю еще раз: они теперь есть на каждой остановке
общественного транспорта, где бывает много народа, –
я вижу с десяток школьников.
Бабушки писали в газеты, газеты даже напечатали
несколько псевдореволюционного толка статей
– это уже повод удивиться, тем более что
однажды моя соседка пришла на кухню, села
и заплакала оттого, что, судя по слухам, ее будут увольнять
и она не сможет получать эти пять тысяч рублей.
«Как же так, – говорит она, – о чем они думают, эти
выжившие из ума старухи, это же столько рабочих мест».

давайте встанем и все вместе подумаем об этом

28 ноября 2005, Калининград

Содержание

Ксилофон-пикколо

[...] (она считала лужи по дороге к дому...)	3
[...] (я кивну одетой в солнце...)	3
[...] (прости родной но именно сегодня...)	4
[...] (греет руку камушек с моря...)	4
[...] (представьте что облака на закате плоские...)	5
[...] (мы прикинулись трамваем...)	6

Другая другому

[...] (Не пиши ты писем о любви...)	6
-------------------------------------	---

Воздух

[...] (под этим деревом всегда идет дождь...)	7
[Про тебя и про бабочку]	7
[Про тебя и тебя]	8
[Лошадь]	8
[...] (кресты-кресты-крестики...)	9
[Чертики]	9

У средней полосы

[Баблгамы обратно: золотая стена.ru]	10
--------------------------------------	----

Золотая пыль

[...] (бас автобуса – речитативом...)	11
[...] (моя бабушка...)	11
[...] (не иметь права...)	12

[...] (как в темной комнате...)	12
[...] (тише, тише...)	13

Колодцы

[...] (дворы-колодцы...)	13
[...] (слишком быстро...)	14
[...] (котенок спит...)	14

Тишина

[...] (ах сладкий запах...)	15
[...] (ну что там дождь...)	16
[...] (как у других...)	17
[Книжка-радость]	17
[...] (Похоже, что можно сидеть так...)	18
[...] (Вот она – есть такая – с пятнадцати лет...)	19
[...] (А-га-шааааа...)	21

Дождь

[...] (Маленькое счастье...)	22
[...] (Разучиваясь писать стихи не регулярно...)	22
[...] (Дождь – белый...)	27
[...] (Жарко в свитере черном...)	28
[...] (Я буду жить так четко...)	28
[...] (и сидеть и молчать тихо-тихо...)	29

Вчерашний	
[...] (профессор жестов вхож в себя...)	25
[...] (а с ней что – родила себе дочку...)	26
[...] (смотреть на улицу. стена. разруха городов...)	26
[Русалочка]	27
[...] (голосом твоего молоточка...)	29
Ночной пунктир	
[...] (я хочу стоять и смотреть...)	29
Камешки	
[...] (Ты - женщина, пригодная к тому...)	30
[...] (Ты обидел словом и жестом...)	30
[Сказка До]	31
[...] (Он покупает ей вещи...)	32
[...] (ты становишься...)	32
[...] (неузнаваемая королева...)	33
[...] (мне нравится когда один...)	33
[Мишкино больше]	34
День снега цикл стихотворений	35
Уголок цикл стихотворений	36
Если	
[...] (Вот стоят и кричат, галдят...)	37
[...] (Так хочется быть для тебя самым важным...)	37
[...] (темнота...)	38
[...] (ты хочешь меня пролистать...)	38

You-you цикл стихотворений	39
Дереvence цикл стихотворений	42
Место пусто и светло	
[...] (я знаю, как мое солнце любит меня...)	43
[...] (Дождь – сначала в небе, потом в реке...)	43
[...] (Чтобы писать тебе...)	44
[...] (походить посмотреть...)	45
[...] (Что-то этот Заяц Подпенечный...)	45
[...] (я – бабушка...)	46
[...] (маргарита следит за нами...)	47
[...] (Видишь – я обнаженная стою перед тобой...)	47
[...] (остановилась во рту булавка подол заколоть...)	48
[...] (генеральная уборка похожа на ремонт...)	48
[...] (кажется – надо бы не давать...)	49
Silentwar цикл произведений	49
Убежать, или перфекционизм	
[...] (И куда б ни хотелось тебе убежать...)	51
[...] (Что у меня в кармашках...)	51
[...] (когда ты уехал...)	52
[...] (...и нет ничего слаще его живота...)	52
[...] (а он каждую ночь творил для нее по чуду...)	53
[...] (Время летит как птица...)	53

Люди

[...] (и пока никто не спросит меня...)	54
[...] (у меня болят вены...)	54
[...] (По ночам ко мне в комнату вползала змея...)	55
[...] (И даже если мы с тобой люди...)	55
[...] (в тот миг, когда я про это читаю...)	56
[...] (и вдруг – что-то поняв про это...)	56
[...] (Ко дню нашего славного города...)	57

Автор выражает любовь и благодарность своим родителям, Елене Ермолаевой, Виктору Мараховскому, Елене Журавлевой, Денису Вологжанину, Илье Шапиро, Евгению Осипову, Павлу Настину, Юлии Тишковской, Михаилу Янчуку, Тимофею Дунченко, Дмитрию Зернову, Евгению Риц, Кириллу Пейсикову, Светлане Бодруновой и Владиславу Поляковскому и всем остальным людям, без которых не было бы этой книги, какой бы она ни была.

Максимова И.

Блабгамы обратно: стихотворения и прозаические миниатюры
Книга выпускается в авторской редакции
ISBN 5-93682-302-4

